

МАНДЕЛЬШТАМ. ПЕТЕРБУРГ. ДОМ ЗА ДОМОМ

ПОЧЕМУ ПОЭТ ТАК ЛЮБИЛ ЭТОТ ГОРОД, ЗНАКОМЫЙ ДО СЛЕЗ

01)

Э

Этого поэта Москва почему-то присвоила.

А он первую и лучшую половину жизни провел как раз в Петербурге. Правда, мать его, с цветистым именем Флора, за 18 лет сменила, пишут, чуть ли не 17 квартир. Просто всякий раз, снимая на лето дачи, она, видимо, бросала очередное городское жилье с тем, чтобы осенью снять новое. Но первым жильем Мандельштамов после переезда из Варшавы стал дом в пригороде Петербурга, в Павловске, где семья купца и мелкого коммерсанта-кожевника Эмиля Мандельштама поселилась в 1894-м.

Про тот дом поэт напишет как-то расплывчато: «За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то «Крейцеровой сонате»». Как на переводных картинках проступят у него образы детства, вспомнятся диковинные имена, обрывки разговоров. И даже то, что не очень-то и предашь гласности: будто его «слишком долго брали с собой в женскую купальню», что он «тревожно волновался, когда его секла гувернантка».

02)

Но известно главное: как раз из Павловска 19 ноября 1894 года вся семья вдруг снялась и на 3 дня выехала в Петербург. Так любопытный отец поэта, сняв, вообразите, на трое суток квартиру в доме на Невском, захотел «в деталях» увидеть сверху, с четвертого этажа того дома, как повезут с вокзала гроб с телом умершего на юге Александра III.

«Вечером я взобрался на подоконник, — вспомнит поэт себя, тогда трехлетнего. — Вижу: улица черна народом, спрашиваю: «Когда же они поедут?» Говорят: «Завтра». Особенно меня поразило, что все эти людские толпы ночь напролет проводили на улице. Даже смерть мне явилась впервые в совершенно неестественно пышном, парадном виде».

Мог ли он предвидеть тогда, что его собственная смерть явится, напротив, в самом убогом виде: он упадет голым в лагерной бане, и тело его будет валяться не преданным земле долгих четыре дня...

Первый террорист училища (Петербург, Свечной пер., 6)

Слышали ли вы, что у Ахматовой был своеобразный тест для новых знакомств? Чай или кофе, спрашивала, кошка или собака, Пастернак или Мандельштам?

Имела в виду противоположности: вечный удачник, домовитый Пастернак и неудачник, кругом бездомный Мандельштам? И мало кто, увы, знает, что и у Мандельштама появится некий совсем уж своеобразный «тест». Он как-то скажет жене: «Лучше, чтобы грузовик переехал меня, чем чтобы я, сидя за рулем, давил людей».

Жутковатый, но ведь и главный выбор! Ты убьешь или — тебя? И в отличие от многих сам поэт предпочитал быть убитым. Не убивать...

Не так, надо сказать, было в детстве его, когда он, хилый и болезненный гимназист («чудак с оттопыренными ушами», «упадочная кукла» и даже «ящик с сюрпризами», как звали его), еще учась в Тенишевском училище, не только тайно от родителей вступил в партию эсеров, но натурально мечтал стать бомбистом, боевиком. То есть как раз убивать тех, на кого укажут.

Он жил тогда в Свечном переулке — десятом уже, по точному счету, его доме, который сняла в 1906 году неумная мать поэта. Учился в Тенишевке, в «самой тепличной, самой выкипающей русской школе», где под псевдонимом Фитиль печатал в рукописном журнале первые стихи и где, представьте, читал уже «Эрфуртскую программу» и обсуждал с близким соучеником — рыжим караимом Борей Синани «Капитал» Маркса. Правда, один из одноклассников скажет потом, что Осип вечно ходил, «повесив нос», и ему часто кричали: «Ёська! Застегни штаны!» А другой, некий Ру-

°1
Осип Мандельштам.

°2
Похороны
Александра III.
1894 год.

°3
Пока еще Ося.
1893 год.

НИКТО НЕ ЗНАЛ, ЧТО 16-ЛЕТНИЙ ОСИП МОТАЛСЯ ОТ ПАРТИИ ПО РАБОЧИМ МИТИНГАМ И ДАЖЕ ПЫЛКО ВЫСТУПАЛ НА НИХ, А ОДНАЖДЫ СЕЛ В НОЧНОЙ ВАГОН И ПОЕХАЛ НА СХОДКУ ЦК ЭСЕРОВ

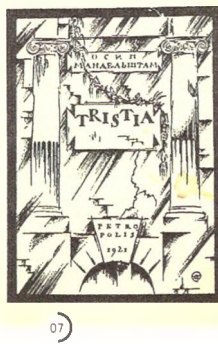
бакин, напишет, что «вольнодумец» был «весьма трусоват».

Насчет штанов я лично верю — могло быть! А вот, что «трусоват», пожалуй, не соглашусь. Просто Рубакин, да и никто не знал, что он мотался от партии по рабочим митингам и даже пылко выступал на них, а однажды, осенним вечером 1907 года, тихо выскользнув из дома в Свечном, кинулся на Финляндский вокзал, где вместе с Синани сел в полутемный вагон паровика и двинул в Райволу (ныне — Роцино). На «конспиративную дачу» — на заседание ЦК эсеров. Там им, правда, прикажут «сидеть смирно» и на второй этаж не ходить, но им хватит и «наблюдений» в шелку. Будут высматривать, как от закованных на зиму дач, запертых калиток «выплывали» из тьмы сначала

°4
Санкт-Петербург,
Свечной пер., 6

ФОТО СВЕТЛОЛАРА АКИМОВА

ТРУСОМ ОН НЕ БЫЛ, НО ВСЮ ЖИЗНЬ БОЯЛСЯ ПОКОЙНИКОВ, ШВЕЙЦАРОВ, МОЛОДЫХ БЫЧКОВ НА ЛУГУ, МОНАШЕК В ЧЕРНОМ, ДАНТИСТОВ И ДАЖЕ ПОЭТОВ

рабочие ватники и старенькие пледы на плечах, потом, по одному, — отличные английские пальто и щегольские котелки кумиров их — великих террористов Азефа, Савинкова, Гершунни, только что сбежавшего с акатуйской каторги...

И разве, подумалось ныне, нам не повезло баснословно, что по малолетству поэта не взяли в террористы? И не в ту ли осень Мандельштам навсегда объявил тихую войну власти и равнодушному, вечно «гнилому обществу» вокруг?

«Ваш сын — талант!»

(Петербург, Моховая ул., 27/29)

Трусом не был, но всю жизнь боялся покойников, швейцаров, молодых бычков на лугу, монашек в черном, дантистов и даже поэтов. Да-да! Хорошо, что в «большую поэзию» его, пусть и «за ручку», но привела как раз мать. Это случилось в 1909 году, когда ему исполнилось восемнадцать...

09)

° 5-7

Сборник «Камень» с дарственной надписью Анне Ахматовой и другие поэтические книги.

° 8

Мама — Флора Овсеевна Вербловская.

° 9

Санкт-Петербург. Моховая ул., 27/29.

08)

По мнению одной переводчицы, они явились прямо на «Башню», в квартиру мэтра Вячеслава Иванова, где все «очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика, читавшего четкие фарфоровые стихи». А по версии Сергея Маковского — редактора изысканного журнала «Аполлон», «визит» случился на Мойке, в его редакции.

«Как-то утром, — пишет он, — некая особа по фамилии Мандельштам настойчиво требует редактора, ни с кем другим говорить не согласна... Ее сопровождал невзрачный юноша лет семнадцати... Конфузился и льнул к ней, как маленький. «Мой сын... Надо же знать, как быть с ним. У нас торговое дело... А он все стихи да стихи! Если талант — пусть. Но если одни выдумки и глупость, ни я, ни отец не позволим».

Она вынула из сумочки несколько исписанных листков... «Стихи, — пишет Маковский, — ничем не пленили меня, и я уж готов был отделаться от мамы, когда, взглянув на юношу, прочел в его зоре такую напряженную, упорно-страдальческую мольбу, что сразу как-то сдался и перешел на его сторону: за поэзию, против торговли кожей. «Да, сударыня, ваш сын — талант!» Юноша вспыхнул, просиял, вскочил с места, потом вдруг засмеялся громким задыхающимся смехом и опять сел. Мамаша же быстро нашлась: «Отлично. Значит — печатайте!»

Ныне пишут, что вся эта история — чуть ли не выдумка Маковского, но факт есть факт: первой публикацией Мандельштама станут напечатанные как раз в «Аполлоне» пять стихов его и тот, знаменитый: «Дано мне тело — что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим? // За радость тихую дышать и жить // Кого, скажите, мне благодарить?»

Кого — не вопрос. И за тело, и за опубликованные стихи, и, главное, за радость «дышать» благодарить ему надо было именно мать. Вот та-

кой вот «неудачник»! Хотя позже, уже на «Башне» Иванова, где он станет слушать курс поэтики в знаменитой «Поэтической академии», его в протоколах посещений упорно будут звать не Мандельштамом — Мендельсоном.

Дескать, какая ему разница?

**50 папирос и полфунта кофе
(Петербург,
Каменноостровский проспект, 24 а)**

Вообще-то, близкие звали его Оськой, хотя «этот маленький ликующий еврей был величествен, как фуга».

«Костюм франтовский и неряшливый, — вспоминал друг его поэт Георгий Иванов. — И удивительные глаза. Закроет глаза — аптекарский ученик. Откроет — ангел». Доверчивый, беспомощный, ребенок и фантазер, он не жил, а ежедневно погибал. С ним постоянно случались невероятные происшествия, неправдоподобные приключения.

РИА НОВОСТИ

Возвращаясь из Германии, где недолго учился, теряет чемоданчик и — с пледом в одной руке, с бутербродом в другой — ступает на перрон Петербурга. «В потерянном чемодане, — пишет тот же Иванов, — кроме зубной щетки и Бергсона, была еще растрепанная тетрадка со стихами. Впрочем, существенна была только потеря зубной щетки — и свои стихи, и Бергсона он помнил наизусть».

Чудак? Несомненно! То в гостинной попросит коньяку в кофе и все это опрокинет на ковер. То в гостях у Толстых, рассказывая, как выглядит жена Гумилева (то бишь Ахматова), начнет показывать руками, какая у той «большая шляпа», да так смешно, что незамеченная среди собравшихся Ахматова перепугается, «что произойдет непоправимое», и громко крикнет, что она тоже

° 10

Санкт-Петербург,
Каменноостровский
проспект, 24 а.

° 11

Встреча с друзьями в семейном кругу (справа налево): А.А.Ахматова, О.Э.Мандельштам, Н.Я.Мандельштам, Э.В.Мандельштам (отец поэта), М.С.Петровых и А.Э.Мандельштам (брат поэта).

° 12

Сумасшедший корабль.
Шарж. О. Мандельштам — второй справа. 1930 год.

11)

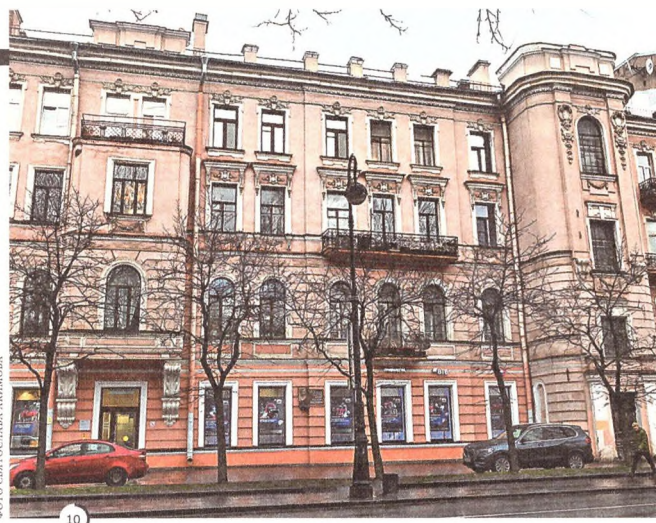

ФОТО СНИТКОСЛАВА АКИНОВА

10)

здесь... А то возьмет да и придумает, представьте, может быть, «единственную в мире» визитную карточку на двоих: на себя и неразлучного Георгия Иванова. И постоянно, азартно и всюду будет искать «меценатов». И тех, кто заплатит за очередного извозчика, и «тузов», кому под силу будет издать и книгу, и альманах. Найдя же «денежный мешок», поднимал вихрь заседаний, встреч, составлений смет, согласований авансов. А потом кисло сообщал: «Я разошелся с издателем». «И он ничего не издал?» — спрашивали. «Издал, — сгубался вдруг в приступе смеха. — Издал вопль!»

И вечной проблемой его были карманные деньги. На табак прежде всего и черный кофе. Для написания стихотворения ему требовалось восемь часов, а кроме того, 50 папирос и полуфунта кофе.

Вот тут, в этом доме, где были еще и венские стулья, и голландские тарелки «с цветочками», жизнь его и раскололась впервые. Тут в 1916 году умерла его мама — Флора Осиповна. И он, хоть и издавший три года назад «Камень», свой первый сборник, но нищенским тиражом в 300 экземпляров, сам становился едва ли не нищим теперь.

«Беден был, очень беден, — напишет тот же Маковский. — Кроме стихов, ни на какую работу не был годен. Жил впроголодь. Из всех по-

12)

сумасшедший корабль.

этов Петербурга ни один не нуждался до такой степени».

Чистая правда. Реально же у него имелись «пальто, подбитое ветром, комната, из которой выселяли, некрасивое лицо с багровеющими от холода ушами и обиды настоящие и выдуманные, выдуманные — часто большее настоящих».

Надя и Лютик

(Петербург, Бол. Морская ул., 49)

Особо страдал от женщин, от «европеянок нежных», в которых поминутно влюблялся. Он и в любви был и смешным (привязчивым до невозможности), и обидчивым (когда давали понять, что поцелуй еще не роман).

«Не оставляйте нас вдвоем», — бросит подругам Цветаева, поняв, что чувства его к ней зашкаливают. А когда Мандельштам вообразит вдруг, что у него роман и с Ахматовой, то уже ей придется объяснять ему, что к чему. «Он неожиданно грозно обиделся на меня» — смеялась она.

Самым нетягостным был его последний роман перед женитьбой — роман, флирт с Ольгой Арбениной, актрисой, которую он звал и «дочкой», и «мансардной музой» своей. Нетягостный благодаря легкому характеру Ольги, с которой он вечно смеялся, да так, что они буквально падали от хохота. А возможно, и потому, что она обращалась с ним, «как с подругой, которая все понимает, — и о религии, и о флиртах, и о еде».

Он посвятит ей горстку стихов, в частности, два шедевра: «Я наравне с другими хочу тебе служить...» и «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Но сам, после расставания с ней, скажет вдруг горькую фразу: «Всякая любовь — палач!» Просто все романы его были не как у всех. Недаром, когда в него и впрямь влюбилась женщина, когда докатилась весть, что в Киеве он женился, все не на шутку возбудились. Чуковскому, ехавшему в Москву, поручили узнать, женат ли Осип. И тот, вернувшись, как-то странно сказал: «Да, женат». А на вопросы, кто она, как выглядит, пожал плечами и как-то убито прошептал: «Что ж... Все-таки женщина!..»

Надя Хазина — жена поэта — оказалась очень некрасивой. «Резко выдающиеся вперед зубы,

13

14

САМЫМ НЕТЯГОСТНЫМ БЫЛ ЕГО ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ПЕРЕД ЖЕНИТЬБОЙ — С ОЛЬГОЙ АРБЕНИНОЙ, АКТРИСОЙ, КОТОРОЙ ОН ПОСВЯТИЛ ГОРСТКУ СТИХОВ И, В ЧАСТНОСТИ, ДВА ШЕДЕВРА

огромный рот, крючковатый нос и кривоноготость, да отвислая грудь», — зло напишет про нее Эмма Герштейн, близкая знакомая семьи. Но для поэта она будет всю жизнь «моей голубкой» и «всей моей радостью». Вот ее-то и приведет он в этот дом на Большой Морской, в дворовый флигель на 2-м этаже, где молодожены снимут свою первую в Ленинграде квартиру, «две прелестных комнаты, нечто вроде гарсоньерки», как напишет Надя. Сюда будут приходить поэты Бенедикт Лившиц, Маршак, даже Пастернак, приехавший из Москвы, здесь запросто будут бывать и Ахматова (которую начальная Надя как-то погонит в киоск за папиросами), и, вообразите, еще одна «ослепительная красавица», по словам, как раз Ахматовой. Та девушка из-за которой Мандельштам едва не бросит Надю.

Самая сильная после Нади страсть поэта по имени Лютик.

Вообще-то, ее, 22-летнюю «девочку, заблудившуюся в одичалом городе», звали Ольгой Ваксель, предком ее был знаменитый швед Свен Ваксель — мореход, сподвижник Витуса Беринга, а прадедом — Алексей Львов, автор царского гимна. Через Львовых, кстати, она, кажется, была в родстве с Гумилевым, и сама звала себя «троюродной сестрой» его. Играла на рояле и скрипке, писала стихи, занималась живописью, даже снималась в кино. Словом, Мандельштам едва не потерял голову от любви, а для Нади, как она напишет, «жизнь повисла на волоске». Но когда, решив уйти от поэта, Надя собрала уже чемодан, Мандельштам, по ее словам, «словно взбесился», вызвонил по телефону Ольгу и резко,

° 13
Ольга Арбенина.

° 14
Ольга Ваксель.

° 15
Санкт-Петербург,
Большая
Морская ул., 49.

15

ФОТО СВЯТОСЛАВА АКИМОВА

16

° 16
Надежда Хазина.

даже грубо, сказал ей, что он остается с Надей и «больше они не увидятся».

Всякая любовь, помните, — палач. Но Лютик, покончившая с собой в Осло, где до того удачно вышла замуж, все объяснит в воспоминаниях своих.

«Я очень уважала его как поэта, — напишет она о Мандельштаме. — Но как человек он был довольно слаб... Вернее, он был большим неудачником».

Не знаю, дошло ли до нее, что у ее «неудачника» именно здесь весной 1925 года впервые случился сильный сердечный приступ. Тогда он начал задыхаться, хватать воздух губами, что не пройдет уже никогда.

«Была ли тут виной Ольга?» — неизвестно кого спрашивала потом Надя. И сама же отвечала: «Не знаю».

«Я на лестнице черной живу...»

(Петербург, 8-я линия Васильевского острова, 31)

Есть люди, считанные единицы, задающие не просто тон — меру и высоту жизни. Так вот, оказаться рядом с Мандельштамом в 1931 году, когда он поселился в этом высоком доме на Васильевском, было все равно что сподобиться быть рядом «с живым Вергилием». Это не мои слова — так скажет поэт Рудаков, он знал Мандельштама по ссылке в Воронеже.

Живой Вергилий, каково! Так вот, Мандельштам, страдающий уже одышкой и головокружением, не раз поднимался по лестнице этого дома, здесь ему «ударял в висок вырванный

с мясом звонок», и здесь ждал гостей дорогих, «шевели кандалами цепочек дверных». Цепочка, вернее тяжелое цепиче, кстати, доньше сохранилось на дверях черного хода. К этим «кандалам» и я, признаюсь, притрагивался не без восторженного трепета...

Я когда-то, снимая фильм о поэте, побывал в трех питерских домах его. Так вот здесь, пока телевизионщики разматывали свои кабели, я, памятуя, что стихи про город, «знакомый до слез», и «кандалы цепочек» были написаны как раз в этой квартире, пробрался на кухню и между дверьми черного хода как раз и увидел этот артефакт, попавший в текст великого поэта. «Так вот как все было», — почему-то, помню, подумал я.

А что было-то в этот предпоследний приезд его в Ленинград? Было два выступления в битком набитых залах, на одном из которых ему был послан ехидный вопрос: как он относится к советской поэзии. Зал, пишут, замер, а побледневший поэт вдруг шагнул на самый край эстрады и крикнул в тишину: «Чего вы ждете? Какого ответа? Я — друг моих друзей! Я — современник Ахматовой!» В ответ — гром, шквал, буря рукоплесканий...

° 17
Лица Серебряного века
(слева направо):
Осип Мандельштам,
Корней Чуковский,
Бенедикт Лившиц
и Юрий Анненков.
1914 год.

17

ФОТО СВЕТЛАНА АКИМОВА

° 18
Санкт-Петербург.
8-я линия Васильевского
острова, 31.

С Ахматовой в тот раз, гуляя по городу, то веселился, как ребенок, соревнуясь в остроте зрения (кто первый разглядит номера приближающихся трамваев), а то вместе с ней же подсчитывал знакомых литераторов, которые торопились перейти на другую сторону улиц — лишь бы не здороваться с ними (ведь обоих уже давно объявили публично «внутренними эмигрантами»). Он ведь всего лишь через год, накануне первого еще ареста, вдруг скажет Ахматовой немыслимую для «слабого» человека фразу: «Я к смерти готов».

Жена Надя напишет потом в мемуарах, что в ту поездку оба они хотели прописаться в Ленинграде и навсегда оставить уже предавшую их Москву, но получили категорический отказ. И знаете от кого? Не от властей — от коллег-писателей. От поэта Николая Тихонова — хорошего знакомого Мандельштама, который даже в общежитии Дома литераторов не дал им комнаты. А когда Надя напрямую спросила литначальника, можно ли им снять частную комнату, Тихонов упрямо повторил: «Мандельштам в Ленинграде жить не будет». Так поэт стал, по ее словам, «беспризорным во всесоюзном масштабе».

Потом по вине, опять-таки, не властей, а писателей станет арестантом и будет выслан и из Москвы.

Нет-нет, наш Вергилий не был ни ангелом, ни идеалом. Не отдавал долгов (из принципа). Мог не заплатить врачу за вставленный золотой зуб (из материала дантиста, кстати), и тот ныл в письме: «Допустимо ли, чтобы интеллигентный человек мог по окончании работы просто заявить: «Я сейчас денег не имею». Мог стибрить то, что плохо лежит. Да-да! В Коктебеле украл у Волошина, у кого гостил, не только роскошного Данте, но и книгу собственных стихов, подаренную ранее, да еще обиделся на хозяйна за «подлые» подозрения. Но даже Чуковский, обозвав его «карманным вором», тут же добавил, что он тем не менее всю жизнь был «безукоризненно чист в литературном деле».

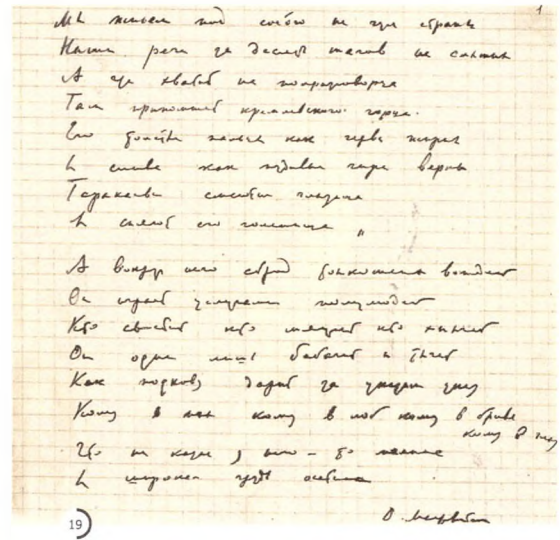
Безукоризненно чист! Разве не это главное для писателя, каким бы неудачником он ни был в жизни?..

° 19

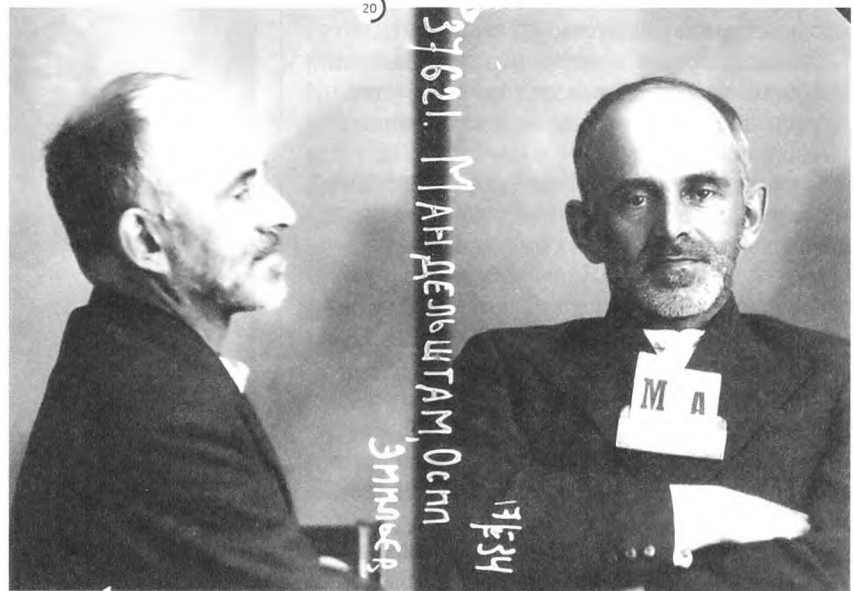
Листок из блокнота со стихотворением «Мы живем под собою не чужа страны».

° 20

Фотография из следственного дела.

В МОСКВЕ ЕГО АРЕСТУЮТ ВТОРОЙ РАЗ. ВНОВЬ ПО ДОНОСУ ПИСАТЕЛЕЙ. ГЕНЕСЕК С.П. СТАВСКИЙ, ПРИКРЫВШИСЬ ГРИФОМ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО», ПРОСИЛ ЕЖОВА «РЕШИТЬ ЭТОТ ВОПРОС О МАНДЕЛЬШТАМЕ»

«Странник в пустыне...»

(Петербург, наб. канала Грибоедова, 9/2/4)

За девять месяцев до смерти в лагере на окраине Владивостока, в начале марта 1938 года, поэт и Надя в последний раз приехали в Ленинград.

«Время было апокалиптическое, — пишет об их появлении Ахматова. — Беда ходила по пятам за всеми нами». Это было после первого ареста Мандельштама за сумасшедшие стихи о Сталине, после распоряжения «кремлевского горца» «изолировать, но сохранить», после

° 21

Санкт-Петербург. Наб. канала Грибоедова, 9/2/4.

21)

ФОТО СЕРГЕЯ ЛАВА АКИМОВА

ссылки поэта в Чердынь, где он пытался второй раз покончить с собой — выбросился из окна. Именно тогда, вырвавшись из ссылки, Мандельштам зорко заметил, что люди вокруг изменились. «Все какие-то, — шевелил он губами в поисках определения, — все какие-то, какие-то... ПОРУГАННЫЕ».

В Ленинграде друзья поэта, перезваниваясь, собрали Мандельштаму денег, немного одежды, белья. На вокзале поэт был уже в темно-сером, явно великоватом пиджаке, который подарил ему Юрий Герман. В этом пиджаке он «всю угрюмую ночь» перед отъездом читал в квартире писателя Валентина Стенича, как раз здесь, на Грибоедова, стихи, и длинные рукава пиджака «плыли в воздухе, как мягкие ласты» — вспоминал Николай Чуковский. Через неделю, словно за эту ночь, арестуют здесь и самого Стенича, а через год и расстреляют его.

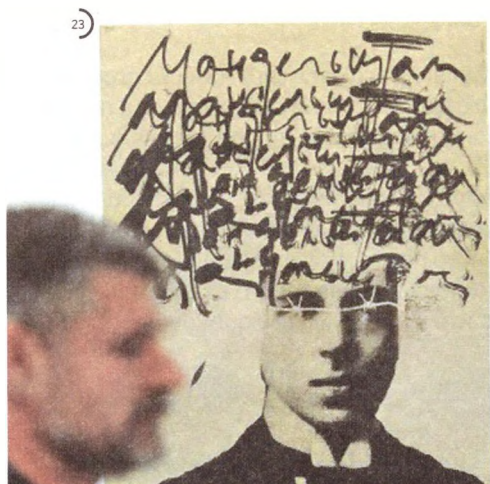
Не знаю, успел ли услышать об этом при жизни Мандельштам, но в зале ожидания Московского вокзала, за полчаса до отправления поезда, он, неожиданно расхалившись, шутя повесит свой узелок на искусственную пальму и, тыча себя в грудь, будет повторять: «Странник в пустыне!» Друзья смеялись и плакали. Плакали и смеялись.

В Москве ровно через два месяца его арестуют второй раз. Вновь по доносу писателей, по письму генсека Союза писателей Ставского главе НКВД Ежову, в котором он, прикрывшись грифом «совершенно секретно», просил помочь «решить этот вопрос об О. Мандельштаме».

Да, свой выбор сделали все: кому давить, кому быть раздавленным. Потом из барака № 11, где умрет, поэт напишет: «Родная Наденька, не знаю, жива ли ты?» А она опоздает с ответом, напишет ему за день до вести о смерти его. Но само письмо ее живо, не пропало, оно даже не печатано сегодня. Только вот читать его тяжело:

«Ося, родной! Пишу в пространство.
Не знаю, жив ли ты. Услышишь ли меня. Знаешь ли, как люблю. Я не успела сказать, как я люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе...»

Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая не умела просто плакать, я плачу, я плачу.
Это я — Надя. Где ты?..»

ТАСС / АЛЕКСАНДРА МЕТРАКИ

° 22

Открытие памятника Осипу и Надежде Мандельштам (Памятник Любви) во дворе Санкт-Петербургского государственного университета.

° 23

Ю. Тореев.
Осип Мандельштам.
Плакат.

РИА НОВОСТИ / АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ

Петербургская адресная книга О. Мандельштама

- 1894 — Невский пр., 100 (сохр.);
- 1895—1896 — Гражданская ул., 14 (сохр.);
- 1896—1897 — Пирогова пер., 14/10 (сохр.);
- 1897—1900 — Декабристов ул., 17/9 (сохр.);
- 1900—1901 — Можайская ул., 1 (сохр.);
- 1901 и 1909—1912 — Загородный пр., 70/2/1 (сохр.);
- 1901 и 1903—1904 — Литейный пр., 49 (сохр.);
- 1901—1902 — Жуковского ул., 6 (сохр.);
- 1903—1905 — Литейный пр., 15 (не сохр.);
- 1905—1906 — Свечной пер., 6 (сохр.);
- 1906—1907 — Марата ул., 66/22 (сохр.);
- 1907—1908 — Чайковского ул., 60 (сохр.);
- 1908 — Итальянская ул., 27 (не сохр.);
- 1908—1909 — Коломенская ул., 5 А (сохр.), а также дом № 37;
- 1909—1910 — Моховая ул., 27/29 (сохр.);
- 1912—1913 — Измайловский пр., 16 (сохр.);
- 1913 — Загородный пр., 14 (сохр.);
- 1913—1914 — Кадетская линия, 1/15 А (сохр.);
- 1914 — Звенигородская ул., 16 (сохр.)
- 1914 — Социалистическая ул., 16 (сохр.);
- 1915 — Бол. Монетная ул., 15 (не сохр.);
- 1916—1917 — Каменноостровский пр., 24 а (сохр.);
- 1917, 1918 — Каменноостровский пр., 73—75/16 (сохр.);
- 1918 — Дворцовая наб., 26 (сохр.);
- 1920, осень 1921 — Невский пр., 15/14/59 (сохр.);
- 1922 — Чкаловский пр., 27 (сохр.);
- 1924 — Каменноостровский пр., 8 (сохр.);
- 1924—1925 — Бол. Морская ул., 49 (сохр.);
- 1925 — 13-я линия, 18 В. (сохр.);
- 1926 и 1930—1931 — 8-я линия, 31 (сохр.);
- 1933 — Невский пр., 36/1/7 (сохр.);
- 1937, осень — кан. Грибоедова, 9/2/4 (сохр.).